

Н.М.Ботвинник

СРЕДСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ
В ТРЕХ ОСНОВНЫХ РЕДАКЦИЯХ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО
"РОМАНА ОБ АЛЕКСАНДРЕ"

За последние пятьдесят лет изучение позднеантичного "Романа об Александре" значительно продвинулось вперед. В 1926 г. В.Кроль выпустил первое критическое издание текста древнейшей редакции А¹. Между editio princeps, опубликованном К.Мюллером в 1846 г.,² и первым критическим изданием В.Кроля прошло 80 лет, что объясняется не только большим количеством и разнообразием версий романа, но и тем, что для реконструкции первоначального текста необходимо было привлечь латинскую, армянскую, сирийскую, эфиопскую и византийские переработки. Это стало возможным только после опубликования этих текстов.³

Оживление интереса к "Роману об Александре" вызвала книга Р.Меркельбаха "Источники греческого романа об Александре",⁴ после выхода которой в 1954 г. критические издания разнообразных рукописей Псевдокаллиста и исследования этих текстов стали появляться почти ежегодно. В настоящее время отсутствуют научные издания только некоторых среднегреческих версий.

Теперь, когда тексты в основном изданы, стало возможным правильно оценить их взаимное влияние, выявить своеобразие разных редакций, определить методы работы анонимных древних редакторов и общее направление эволюции этого ставшего народным произведением.

Внимательное изучение трех основных, наиболее важных для последующей традиции редакций фантастического жизнеописания Александра Македонского ясно показывает, что вместе с кардинальной переработкой текста и композиции, вместе с отчетливым

изменением первоначального образа главного героя в позднем тексте изменяются и обновляются также и стилистические приемы.

Древнейшая версия "Романа об Александре" была создана александрийским греком около 300 г. н.э. на основе не дошедшего до нас труда Клитарха и большого конгломерата псевдоисторических писем эллинистического времени. К этим источникам автор присоединил еще два произведения об Александре: "Разговор Александра с гимнасофистами" и так называемые "Последние дни Александра", а также украсил свое повествование египетской легендой о рождении будущего македонского царя от фараона Нектанеба.

Автор стремился поразить воображение читателей описаниями чудес и далеких стран, возбудить страх и сострадание ужасными или чувствительными сценами. При этом, очевидно, его не интересовали вопросы стиля. Здесь трудно говорить (как это делает Э.Хайт⁵) об искусстве рассказчика: разнородность источников ощущается на всем протяжении романа. Автор первой редакции (обозначаемой современными исследователями как α) почти не пользуется поэтическими приемами повествования. Во всем обширном тексте романа (три большие книги, включающие более 30 глав каждая), удалось обнаружить только 12 сравнений, 3 гиперболы и один случай прозопопеи (одухотворения природы). Характерно, что больше половины из этих 16 тропов встречаются в письмах или речах героев, а те, что входят в авторскую речь, как правило, проходные (т.е. характеризующие только одно слово и не получающие распространения). Чаще всего эти сравнения не отличаются оригинальностью — это обычные, давно существующие в языке сопоставления. Например, "... раненные фиванцы падали со стен, будто сброшенные молнией" (α , I, 40); "Александр с факелом в руке освещал себе путь, как звезда" (α , 2, 16); "Внезапно Александр вскричал, будто раненный стрелой в печень" (α , 3, 31).

В речах и письмах Александра, Дария и других героев, как уже было сказано, сравнения более многочисленны и все без исключения представляют собой тот тип развернутого сравнения, где дается законченный образ, достигающий иногда большой степени самостоятельности. Сравнение здесь не иллюстрирует какое-либо слово или предложение, но образ строится параллельно всему тому, что сказано о предмете. Например, Александр, обращаясь к македонцам, говорит: "Ведь так же, как и звери — тигры, барсы, львы и слоны, — гордые благородством своей породы и красотой

тела, легко бывают побеждены человеческой мудростью, так и варварские цари, гордясь множеством войска, легко завоевываются мудростью алинов" (α , 3, 7). В другой речи Александр, заметив испуг своих воинов после получения хвастливого письма Дария, убеждает их не бояться: "Дарий так пишет из хвастовства, сам он вовсе не похож на свое письмо; как некоторые собаки не могут драться из-за своей слабости и много лают, как будто лай показывает силу, так и Дарий — на деле не может ничего, а в письмах кажется чем-то важным, точно лающие псы" (α , I, 37). Такого же типа сравнение мы видим и в разговоре Александра с брахманами: "Ведь не шелохнется море, если не подует ветер, не закачаются деревья, если нет дуновения, и человек ничего не сделает, если не по воле божественного промысла" (α , 3, 7). В обоих примерах перед нами так называемые присоединительные сравнения, где описываемый предмет присоединяется к уже замкнутому предложению, заключающему в себе образ.

Как и большинство сравнений, гиперболы в редакции α вряд ли способствуют выразительности языка: они настолько обычны, что почти приближаются к идиоматическим выражениям. Например, Дарий пишет Александру: "Войска у меня так много, что его не сосчитать, как песок, а золота и серебра хватит, чтобы покрыть всю поверхность земли" (α , I, 36). Или описывается поле боя: "И нельзя было уже разглядеть ни персидского лучника, ни македонского воина, ни всадника из-за ужасной пыли. Воздух помутнел, и земли не было видно из-под кровавой грязи. И само солнце, скорбя о происходящем и не в силах видеть такие ужасы, спряталось за облака" (α , I, 41). В последнем отрывке кроме гиперболы мы видим единственный в этой редакции случай прозопопеи, т.е. придания неодушевленному предмету черт живого.

Редакция β ⁶, которую ее издатель относит к У в., представляет собой довольно значительную переработку древнейшей версии. Текст этой редакции более однороден, убран египетский колорит, повествование еще дальше уходит от исторической правды. Однако в отношении художественных средств выражения между двумя редакциями не заметно какой-либо разницы. В этом варианте "Романа об Александре", еще более пространным, чем первый, нет никаких попыток стилистически украсить рассказ, кроме сравнений. Их всего 14, причем 8 из них взяты из текста редакции α и находятся в тех же местах, что и в редакции, из которой они за-

имствованы. Например, почти дословно повторяется в речи Александра, уговаривающего своих воинов не падать духом при виде многочисленного врага, сравнение варваров с тысячами мух, которых, однако, сразу же разгоняют налетевшие осы. "Когда налетают осы, мухи - ничто", - заключает македонский царь (β, 2, 16). Также из редакции α попало в младшую версию развернутое сравнение, украшающее речь Дария: "Ведь мудрость эллинов побеждает толпы варваров, как одна лаконская собака прогоняет целое стадо овец" (β, 2, 7). Те немногочисленные тропы, которые принадлежат самостоятельному тексту автора β, представляют собой проходные сравнения, к тому же весьма избитые: "вода была белая, как молоко" (β, 3, 5); "стрелы падали с неба, как туча" (β, 2, 16), "вода сверкала, как молния", и даже "Олимпиада, рожая, возопила сильнее коровы" (β, 1, 12).

Перейдем теперь к самой младшей из написанных по-древнегречески версий "Романа об Александре" (редакции ε).⁷ Автор, византийский христианин, составил ее не ранее конца III в. Кроме двух старших редакций (α и β), он использовал и другие источники (Псевдо-Мефодий, Палладий, Александрийская всемирная хроника). Редакция ε представляет собой полную переработку традиционного текста. Изменился и стиль романа: автор часто прибегает к метафорам, метонимии, гиперболам, сравнениям. Это усиливает эмоциональную окраску речи, индивидуализирует характеристику явлений. Текст редакции ε содержит, по нашим подсчетам, более 50 случаев употребления различных тропов. Так, мы находим в первых главах романа 6 метонимий и несколько проходных сравнений из области античной мифологии, совершенно не встречавшихся в более ранних редакциях. Приведем примеры: Александр, несущий своего убитого отца, говорит о себе: "Я - новый Эней, несу Анхиза" (ε, 3, 8); перед состязанием на колесницах он называет себя Эномаем (ε, 5, 4), в других местах - "новым Ахиллом" (ε, 3, 4) и "вторым Гераклом" (ε, 4, 3). Об Александре, разящем гостей на свадьбе Филиппа, оставившего Олимпиаду, сказано: "Это второй Одиссей, избивающий женихов" (ε, 6, 2). Конь Александра Буцефал "красивее Пегаса" (ε, 4, 1 и ε, 5, 5), а сам Александр понимает в езде на колесницах больше, чем Арес и Геракл (ε, 5, 3).

Интересно появление у автора редакции ε метафор - приема, который также отсутствует в старших редакциях. Олимпиада про-

сит мага Нектанеба помочь ей "развязать оковы бездетной утробы" (ε, 2, 4). Умирая, Александр говорит своим соратникам: "И отправившись в военный поход, очень долгий, бессолнечный и безвозвратный, запретный для всех" (ε, 45, 4). Есть, конечно, и более обычные метафоры: так, Александр называет своих воинов львами и волками, а врагов овцами (ε, 15, 5).

Среди гипербола наряду с обычными "пыль до Олимпа" (ε, 18, 1), "солнца не видно из-за стрел" (ε, 12, 5) встречаются и более интересные: "небо падает от крика" (ε, 21, 1); "воины в золотых панцирях отражают солнце и состязаются в яркости с днем" (ε, 22, 1). Гоплиты похожи на движущиеся горы (ε, 21, 1).

Многочисленные в этой версии сравнения проходного типа дают примеры не только обычного, стертшегося употребления, но и свежего, не встречавшегося прежде. Мы читаем о "воде, сладкой, как мед" (ε, 33, 2); с скифах, "стоящих, как скот, в ожидании смерти" (ε, 17, 2). Но рядом с этими привычными и давно не действующими на воображение читателя сравнениями - яркое описание боевых слонов с укрепленными беседками погонщиков, "выступающих наподобие движущихся городов, защищенных стенами" (ε, 36, 6). Об укрошенном Александром коне Буцефале сказано, что он пошел за хозяином "как бык за пахарем" (ε, 4, 2); горючая Олимпиада представляется сну "кораблем, попавшим в бурю" (ε, 24, 1); в походе встретились страшные женщины, "волосатые, можно сказать, наподобие дикого кабана" (ε, 25, 2); брахманы говорят о людях, питающихся мясом, что "они ходят, как могилы убитых зверей" (ε, 21, 3).

Наиболее интересны в редакции ε развернутые сравнения. Так, победив двухголовых и безголовых людей, Александр сравнил их с народом, имеющим двоевластие и вообще не имеющим власти. "Подобно тому, как эти двухголовые и безголовые люди кажутся ужасными на вид, но в войне не в состоянии участвовать и, находясь в безвыходном положении, убегают, не умея придти на помощь самим себе, так же это получается и с большим множеством народа. При двоевластии одна власть не покоряется другой, а другая не подчиняется первой, даже если они обе и стремятся союзничать друг с другом. И в то время как один следит за другим, чтобы, убежав, тот не покинул его, бегут оба. И нет у них силы воевать с народом, имеющим единовластие". "Так же как, - рассуждает Александр, - не имеющий головы убегают от человека,

имеющего голову... так и народ без властителей погибает... будучи даже очень мужественным и храбрым" (ε, 13, 5).

Иногда автор редакции ε не совсем справляется с задуманным им сравнением. Описывая осаду Фив, он говорит: "Фиванцы падали со стен, как листья. Они были похожи на теряющие листья деревья, клонимые ветром" (ε, 12, 5). Непонятно, с чем же сравниваются здесь фиванцы - с листьями или с деревьями? Неудачное сравнение есть и в эпизоде, где описывается, как конь Буцефал нападает на раба, отравившего Александра: "Раб был растерзан, можно сказать, как мокрый снег, упавший с высокой крыши" (ε, 46, 4).

В заключение обзора стилистического арсенала редакции ε приведем в качестве выразительного образца отрывок, изобилующий тропами, характерными для этого произведения:

ἀρτι δὲ τοῦ ἡλίου ἀνατείλαντος καὶ τὰς ἀκτῖνας τὰς ἀκρωρείας καταυγάζει ἐκπέμφαντος ἄπαν τὸ Μακεδονικὸν καὶ Περσικὸν στρατεύμα ἔνοστοι τῇ πόλει κύκλωθεν παρειστήκεισαν, ἅπαντες χρυσεῖοις θώραξι τετρακκομένοι, ἕστηε τὸν ἡλίον τοῖς θώραξιν ἀντικρούσαντες ἐξ αὐτῶν τὴν ἡμέραν ἐδόκει ἀνταγλαῖεσθαι. τὰ δὲ πλήθη τῶν τέττων τὰς ἡλιακὰς ἐκάλυψεν αὐγὰς, οἱ δὲ ἡλιῖται τοῖς ὄφρασιν ἕκαστον ὄφρασι περιπαλοῦσι· ὡς δὲ καὶ βοὴν ἀφίσταν εἰκάζουσαι τινὰ τῆν τὸν οὐρανὸν καὶ συγχέουσαι καὶ πεπτοῦναι (ε, 22, 1).

Такой пассаж, включающий на небольшом пространстве 7 разнообразных тропов, был невозможен в ранних редакциях α и β.

Итак, мы показали, что автор поздней версии "Романа об Александре" значительно шире использует фигуры речи, чем его предшественники. Он так щедро украшает текст разнообразными тропами, что стиль местами делается вычурным и напыщенным. Кроме эволюции стиля, мы наблюдаем в редакции ε и другие изменения: меняется композиция, старые эпизоды переданы другими словами, введено множество новых тем. Роман выиграл за счет того, что автор исключил большинство писем и оракулов, убрал исторические имена и географические названия, уже непонятные читателю, а вместо этого значительно усилил фантастическую тему. Описанию чудес за пределами ойкумены отведено в новой редакции чрезвычайно много места (более 25 эпизодов). Они получают грубо фантастический характер. Совершенно новая тема - монотеизм

Александра. Вообще, характеристика македонского царя заметно изменяется: он изображен не столько могучим воином, сколько хитроумным, ловким полководцем, изобретателем бесчисленных военных хитростей. Александр приобретает даже некоторые черты чудотворца: предсказывает будущее, сдвигает горы и т.д.⁸

Все названные стилистические и композиционные особенности версии ε направлены к одной цели - усилению эмоционального воздействия и занимательности повествования. Если авторы ранних редакций "Романа об Александре" прямо не признавали этой цели и выдавали свои произведения за исторические сочинения, чем определялся их почти лишенный украшений стиль, то автор последней редакции, ориентируясь на вкус своих читателей, откровенно балетризирует жизнеописание македонского царя. Очевидно, именно эта установка обеспечила древнему роману ни с чем не сравнимую популярность в средние века: он дошел до нас в 80 редакциях на 24 языках мира.

Примечания

¹ *Historia Alexandri Magni* (Pseudo-Callisthenes). Vol. I. *Recensio vetusta* / Ed. W. Kroll. Berlin, 1926.

² *Pseudo-Callisthenes* / ed. primum C. Müller. Parisiis, 1846 (post editionem Arriani, quam fecit F. Dübner).

³ *Pfister F.* Der Alexanderroman des Archipresbyters Leo. Heidelberg, 1913; *Ἱστορία Ἀλεξάνδρου*. Die Armenische Übersetzung der sagenhaften Alexanderbiographie (Pseudo-Callisthenes) von R. Rasbe. Leipzig, 1896; *Budge W. I.* The history of Alexander the Great, being the Syriac version of the Pseudo-Callisthenes. Cambridge, 1889; *2) The life and exploits of Alexander the Great (Versio Aethiopica)*. London, 1896; *Pseudo-Callisthenes*, nach der Leidener Handschrift hrsg. von H. Meusel. - *Jahrbücher f. class. Philologie*, 1871, Supplementband 5.

⁴ *Merkelbach R.* Die Quellen des griechischen Alexanderromans. - *Zetemata*, 1954, N. 9. См. также второе издание: *Merkelbach R.* Die Quellen des griechischen Alexanderromans. Zweite, neubearbeitete Auflage unter Mitwirkung von Jürgen Trumpf. München, 1977.

⁵ *The life of Alexander of Macedon by Pseudo-Callisthenes* / Translated and edited by E. Haight. New York, 1955, p. X.

6 Der griechische Alexanderroman, Rezension
ß / Hrsg. von L. Bergson. Stockholm, 1965.

7 А. Λογυμὶ Βυζαντινὶ. Vita Alexandri regis Macedonum.
Primum ed. J. Trumpf, Stuttgartiae, 1974.

8 Ботвинник Н.М. 1) Персидские посольства к
Александру Македонскому в новой редакции "Романа об Александре". - В кн.: Античный мир и археология. Саратов, 1979; 2) Редакция «Романа об Александре» как источник древнегреческой Александрии. - Научная конференция "Историчность и актуальность античной культуры". Тбилиси, 1980; 3) Преобразование исторической традиции в народном повествовании "Романа об Александре". - В кн.: Традиции и новаторство в античной литературе (Philologia classica, вып. 2. Л., 1982).

Н.В.Вулик

ПОНЯТИЕ "CULTUS" В ЯЗЫКЕ И ЭСТЕТИКЕ ОВИДИЯ

Овидий был одним из тех поэтов древнего Рима, который стремился запечатлеть в своих элегиях и поэмах современную жизнь и современных ему людей, считая, что век Августа - это величайшая вершина в истории развития человечества. Исследователи постоянно ссылаются для доказательства этой мысли на знаменитые строки из поэмы "Искусство любви", где поэт решительно заявляет, что поздравляет себя с тем, что родился именно в это время. Оно соответствует, как он считает, его собственным нравам, отвечает особенностям его характера (*moribus apta meis: Ars amat.*, III, 121-122). Именно теперь в повседневную жизнь Рима вошел *cultus* и исчезла древняя грубость нравов (*rusticitas*) - это наследие суровых предков. *Cultus* наложил отпечаток и на внешний облик самого города: он украсился сверкающим храмом на Капитолии, новой курией, святилищем Аполлона на Палатине, окруженным замечательными скульптурами (*Ibid.*, 115-120). Августовский Рим, нарядный, благоустроенный, похожий на грандиозный музей по количеству памятников скульптуры и живописи, украшавших его улицы, форумы и виллы, постоянно возникает перед чита-